

Королевичи из Крякова

Из того было из города из Крякова,
С того славного села да со Бирезова,
А со тою ли со улицы Рогатици,
Из того подворья богатырьского,
Охвоч ездить молодец был за охвоткою;
А й стрелял-то он да й гусей, лебедей,
Стрелял малых пирелетных серых утушек.
То он ездил по раздольицю цисту полю,
Челый день с утра ездил до вечера,
Да и не наехал он ни гуся, он ни лебедя,
Да й не малого да пирелетного утенушка.
Он по другой день ездил с утра до пабедья,
Ен подъехал-то ко синему ко морюшку,
Насмотрел две белыя лебедушки:
Да на той ли как на тихой забереги,
Да на том зеленоем на затресьи
Плавают две лебеди, колыблются,
Становил-то он коня да богатырьского,
А свой тугой лук разрывчатой отстегивал
От того от праваго от стремецька булатняго;
Наложил-то он и стрелоцьку калёную,
Натянул тетивоцьку шелковеньку,
Хотит подстрелить двух белых лебедушек.
Воспроговорили белыя лебедушки,
Проязычили языком человецким:
«Ты удаленькой дородней доброй молодец,
Ай ты, славныя богатырь святоруськии!
Хошь нас подстрелишь, двух белых лебедушек,
Не укрятаешь плеча могущего,
Не утешишь сердца молодецького.
Не дви лебеди мы есть, да нè дви белых,
Есть дви девушки, да есть дви красных,
Дви прекрасных Настасьи Митриевицьны.
Мы летаем-то от пана от поганого,
Мы летаем поры-времени по три году,

Улетели мы за синее за морюшко.
Поезжай-ко ты в роздольице цисто поле,
Да й ко славному ко городу ко Киеву,
Да й ко ласковому князю ко Владимиру:
Ай Владимир-князь он ест-то, пьет и прокладается
Над собой невзгодушки не ведаёт.
Как поедешь ты роздольице цистым полём
Да приедешь ты ко сыру дубу крякновисту,
Насмотри-тко птицю во сыром дубе,
Сидит птиця чёрной ворон во сыром дубе,
Перьяце у ворона черным-черно,
Крыльице у ворона белым-бело,
Перьяца роспушшены до матушки сырой земли».
Молодой Петрой Петровиць, королевської сын,
На коне сидит, сам пороздумался:
«Хоть-то подстрелю двух белых лебедушок,
Да й побью я дви головки безповинных,
Не укрятаю плеча могущего,
Не утешу сердца молодецкого».
Ен сымает эту стрелочку каленую,
Опустил тетивоцьку шелковеньку,
А й свой тугой лук розрывцятый пристегивал
А й ко правому ко стремецьки булатнёму,
Да й поехал он роздольице цистым полем
А й ко славному ко городу ко Киеву.
Подъезжал он ко сыру дубу крякновисту,
Насмотрел ён птичу чёрна ворона;
Сиди птиця черной ворон во сыром дубе,
Перьяце у ворона черным-черно,
Крыльице у ворона белым-бело,
А й роспушшены перьяца до матушки сырой земли;
Эдакою птицы на свети не видано,
А й на белом да и не слыхано.
Молодой Петрой Петровиць, королевської сын,
Он от правого от стремецьки булатнёго
Отстянул свой тугой лук розрывцятый,
Наложил ён стрелоцьку калёную,
Натянул тетивоцьку шелковеньку,
Говорил-то молодец да й таковы слова:

«Я подстрелю эту птицю цёрна ворона,
Его кровь-то ростоцю да по сыру дубу,
Его тушицю спушшу я на сыру землю,
Перьице я роспушшу да по цисту полю,
Да по тою долинушке широкою».

Воспроговорил-то ворон, птиця цёрная,
Испровещил да языком человечецким:
«Ты удаленькой дороднёй доброй молодеч,
Славныя богатырь святоруськия!
Ты слыхал ли поговорю на святой Руси:
В кельи старця-то убить – дак то не спасеньё,
Цёрна ворона подстрелить – то не корысть полуцить.
Хошь подстрелишь мёне, птицю цёрна ворона,
Порастоцишь мою кровь ты по сыру дубу,
Спустишь тушицю на матушку сыру землю, -
Не укрятаешь плеча-то ты могуцего,
Не утешишь сердца молодецького.
Поезжай-ко ты во славной стольнёй Киев-град,
Да й ко славному ко князю ко Владимиру.
А й у славного у князя у Владимира
Есть поцёстен пэр (пир) да й пэрованьице:
То он ест да пьет да й проклаждается,
Над собою князь невзгодушки не ведаёт:
То ведь ездит поляницишше в цистом поли,
Она клицёт, выкликаёт поединщика,
Супротив себя да й супротивника,
Из циста поля она наездника:
«Он не даст ли мне-ка если поединщика,
Супротив меня да й супротивника,
Из циста поля да што наездника, -
Разорю я славной стольнёй Киев-град.
А еще цернедь мужицьков-то всех повырублю,
Все Божьи церкви-то я на дым спушшу,
Самому князю Владимиру я голову срублю
Со Опраксией да королевицьной».

Молодой Петрой Петровиць, королевськой сын,
На добром коне сидит, сам пороздумался:
«То слыхал я поговорю на святой Руси:
В кельи старця-то убить – так то не спасеньё,

Цёрна ворона подстрелить – то не корысть полуцить.
Хошь я подстрелю-то птицю цёрна ворона,
Ростоцю-то его кровь да по сыру дубу,
Его тушицю спушшу да й на сыру землю,
Роспушшу-то ёго перьицё да й по цисту полю,
Да по тою по долинушке широкою, -
Не укрятаю плеця-то я могущего
И не утешу сердца молодецького».

Он сьмает эту стрелоцьку каленую,
Отпустил тетивоцьку шелковую,
А свой тугой лук розрывцятой пристегивал
А й ко правому ко стремецьки к булатнёму,
На кони сидит да й пороздумался:
«Прямоезжею дороженькой поехать в стольнёй Киев-град,
То не цесть мне-ка хвала да й от богатырей,
А й не выслуга от князя от Владимира;
А поехать мне дорожкой во цисто поле,
А й ко тою поляницишшу удалою.
А й убьет-то полянича во цистом поли,
Не бывать-то мне да на святой Руси,
А й не видать-то молодцю мне свету белого».

Он спустил коня да й богатырського,
Ен поехал по роздольицю цисту полю,
Ен подъехал к поляници ко удалою.
Оны съехалися, добры молодци, да й поздоровкались,
Оны делали сговор да й промежду собой,
«Как друг у друга нам силушка отведати:
Нам розъехаться с роздольиця циста поля
На своих на конях богатырськиих,
Приударить надо в паличи булатнии,
Тут мы силушки у друг друга отведаем».

Порозъехалися оны да на добрых конях
По славному роздольицю цисту полю;
Оны съехалися с роздольиця циста поля
На своих на добрых конях богатырськиих,
Приударили во паличи булатнии,
Оны друг друга-то били не жалухою,
Со всей силушки да богатырськоёй,
Били палицми булатнима да по белым грудям.

И у их паличи в руках да погибалися,
А й по маковкам да й отломилися,
А й под има как доспехи были крепкии,
Ены друг друга не сшибли со добрых коней,
Да й не били оны друг друга, не ранили,
Ни которого местецька не кровавили.
Становили молодци оны добрых коней,
Й оны делали сговор да промежду собой:
Порозъехаться с роздольиця циста поля
На своих на добрых конях богатырськиих,
Приударить надо в копя муржамецкия,
Надо силушки у друг друга отведати.
Порозъехались с роздольиця циста поля
На своих на добрых конях богатырськиих,
Приударили во копя муржамецкия,
Оны друг друга-то били не жалухою,
Не жалухою-то били по белым грудям.
У них копя-ты в руках да погибалися,
А й по маковкам да й отломилися;
А й под има как доспехи были крепкии,
Ены друг друга не сшибли со добрых коней,
Да й не били оны друг друга, не ранили,
Никотораго местецька не кровавили.
Становили добрых коней богатырськиих,
Говорили молодци-ты промежду собой:
«Опуститься надо со добрых коней
А й на матушку да й на сыру землю,
Надо биться-то нам боем-рукопашкою,
Тут у друг друга мы силушку отведаем».
Выходили молодци оны с добрых коней,
Становилися на матушку сыру землю
Да й пошли-то биться боем-рукопашкою.
Молодой Петрой Петровиць, королевськой сын,
Он весьма был обуцен боротья об одной руцьке.
Подошёл он к поляницишшу удалою,
Да й схватил он поляницу на косу бодру,
Да й спустил на матушку сыру землю,
Вынимал-то свой нож булатною,
Заносил свою да руцьку правую,

Заносил он руцьку выше головы,
Да й спустить хотел ю ниже пояса;
Права руцюшка в плечах да застояласе,
В ясных оцюшках да й помутилсе свет.
То он стал у поляничи повыспрашивать:
«Ты скажи-тко, полянича, мне проведай-ко:
Ты с коёй орды, да ты с коёй земли,
Тобя как-то, поляницьку именем зовут,
И удалую звелицяют по отецесьтву?»
Говорила полянича й горько плакала:
«Ай ты, старая базыка новодревная!
Тоби просто надо мною насмехатися,
Как стоишь ты на моёй белой груди,
И в руках ты дёржишь свой булатний нож,
Ты хотишь пластать мои да груди белыи:
Доставать хотишь моё сердчё со пеценёй!
Есь стояла я бы на твоёй белой груди,
Да пластала бы твои я груди белыи,
Доставала бы твоё да сердчё с пеценей,
Не спросила б я отца твоего, матери,
А ни твоего ни роду я, ни племени».
Разгорелось сердчё у богатыря,
А у молода Петроя у Петровиця.
Ен занес свою да руцьку правую,
Руцьку правую занес он выше головы,
Опустить ю хоцет ниже пояса;
Права руцюшка в плечи да застояласе,
В ясных оцюшках да помутилсе свет;
То он стал у поляничи повыспрашивать:
«Ты скажи-тко, полянича, мне проведай-ко:
Ты коей земли да ты коей орды,
Тобя как-то, поляницьку, именём зовут,
Тобя как-то звелицяют по отецесьтву?»
Говорила полянича таковы слова:
«Ай ты, славныя богатырь святоруськии!
А й ты когда стал у мня выспрашивать,
Я стану про то тебе высказывать:
Родом есь из города из Крякова,
Из того села да со Бирезова,

А й со тою ли со улицы Рогатици,
Со того подворья богатырського,
Молодой Лука Петровиць, королевської сын;
Увезён был маленьким ребеноцьком:
Увезли меня татары-ты поганыи
Да й во ту во славну во темну орду,
То возростили до полного до возрасту;
Во плечах стал я иметь-то силушку великую,
Избирал коня соби я богатырського,
Я повыехал на матушку святую Русь
Поискать себе я отца, матушки,
Поотведать своего да роду-племени».
Молодой Петрой Петровиць, королевської сын,
Ен скорёшенько соскочит со белой груди,
То й берет его за руцюшки за белыи,
За его берет за персни за злачэныи,
То здымал его со матушки сырой земли,
Становил он молодця да й на резвы ноги,
На резвы ноги да и супротив собя,
Целовал его в уста он во сахарныи,
Называл-то братцем соби роднымим.
Ены сели на добрых коней, поехали
Ко тому ко городу ко Крякову,
Ко тому селу да ко Бирезову,
Да ко тою улицы Рогатици,
К тому славному к подворью богатырському.
Приезжали-то оны да й на широкой двор,
Как сходили молодци оны с добрых коней;
Молодой Петрой Петровиць, королевської сын,
Он бежал скоро в полатку белокаменну;
Молодой Лука Петровиць, королевської сын,
А й стал по двору Лука похаживать,
За собою стал добра коня поваживать.
Молодой Петрой Петровиць, королевської сын,
Ен скоренько шёл полатой белокаменной,
Проходил он во столову свою горенку,
Ко своёй ко родной пришел матушке:
«Ай ты, свет моя да й родна матушка!
Как-то был я во роздольице цистом поли,

Да й наехал я в цистом поли татарина,
А кормил я ёго ествушкой сахарнею,
А кормил я ёго питьицем медвяным».
Говорит ему тут родна матушка:
«Ай же свет мое цядо любимое,
Молодой Петрой Петровиць, королевської сын!
Как наехал ты в цистом поли татарина,
То не ествушкой кормил бы ты сахарнею,
То не питьицем поил бы ты медвяным,
А й то бил бы ёго палицей булатнею,
Да й колол бы ты ёго да копьем вострым:
Увезли у тебя братця они родного.
Увезли-то ёны малым ребеноцьком,
Увезли его татары-ты поганьи!»
Говорил Петрой Петровиць таковы слова:
«Ай ты, свет моя да родна матушка!
Не татарина наехал я в цистом поли,
А й наехал братця соби родного,
Молода Луку да я Петровиця:
А й Лука Петровиць по двору похаживат,
За собой добра коня поваживат».
То цестна вдова Настасья-то Васильевна
Как скорёшенько бежала на широкой двор,
Да й в одной тонкой рубашецьке без пояса,
В одных тонкиих чулоциках без цёботов,
Приходила к своему да к сыну родному,
К молоду Луки да й ко Петровицю,
Ена брала-то за руцюшки за беленьки,
За его-то персни за злачэныи,
Человала во уста его в сахарныи,
Называла-то соби да сыном родным;
Да й вела его в полату белокаменну,
Да вела в столову свою горенку,
Да й садила-то за столики дубовыи,
Их кормила ествушкой сахарнею,
Да й поила-то их питьицем медвяным.
Они стали жить-быть, век коротати.
Еще тым-то былиноцька поконцилась.

Записана на Сенногубском погосте Петрозаводского уезда Олонецкой губернии. Из сборника Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша «Песни русского народа», 1886 г. № 2.